

Я загадала себе маму

Карина Ерохина

Эта книга – не просто рассказ о пережитом насилии. Это свидетельство силы духа, способного расцвести даже на пепелище. Это гимн настоящей материнской любви, которая способна исцелить самые глубокие раны и подарить крылья для полета. Это моя история о том, как я нашла свою настоящую маму и научилась жить заново.

Карина Ерохина
Я загадала себе маму

«Автор»

2025

Ерохина К.

Я загадала себе маму / К. Ерохина — «Автор», 2025

История маленькой девочки, которая росла в условиях домашнего насилия. Даже став взрослой, она продолжала мечтать о материнской любви. И вот, наконец, она нашла ту, о ком так долго думала — свою настоящую маму.

© Ерохина К., 2025

© Автор, 2025

Карина Ерохина

Я загадала себе маму

Я хочу рассказать вам о своём детстве. О том, как за фасадом благополучной семьи может скрываться нечто ужасное, что не просто ранит детскую душу, а медленно убивает маленького человека.

Я хочу поделиться с вами историей о том, как мать, скрываясь за маской благотворительности, может оказаться настоящим монстром. В стенах своего дома она сбрасывает этот маскарад и превращается в злую и чёрствую мачеху.

К сожалению очень много детей скрывают свою страшную жизнь, домашнее насилие, зная что никто не в силах им помочь, а взрослые одевают маску безразличия.

НАЧАЛО

Я закрыла глаза, и мир наполнился ею – мечтой о моей мамочке. Образ, сотканный из обрывков моей мечты и неутолимой жажды, пульсировал в моем сердце. Я представляла, как она найдёт меня однажды, протянет руки, и мир вокруг замолкнет, уступив место только её объятию. "Доченька, я с тобой. Ничего не бойся," – эти слова звучали эхом в моей душе, заглушая боль и одиночество.

1

Я жила в семье, где были отчим и мать, но эта реальность была лишь бледной тенью той семьи, о которой я грезил. Отчим – чужой, холодный. Мать – словно призрак, уставшая от жизни, отвернувшаяся от меня. Их присутствие лишь усиливало чувство потерянности.

Каждый вечер, засыпая в своей маленькой комнате, я строила воздушные замки. В них моя настоящая мама была рядом. Она рассказывала мне сказки, гладила по голове, и в её глазах я видела любовь, которую так отчаянно искала. Утром, просыпаясь, я с трудом возвращалась в жестокую реальность, где её не было.

Но я не сдавалась. Вера в то, что она ищет меня, была моим маяком в этом темном море. Я знала, что где-то в этом огромном мире есть человек, для которого я – самое дорогое сокровище. И я продолжала ждать, с надеждой в сердце, надеясь, что однажды, моя мечта станет явью. Ждать её... мою мамочку.

2

Детство моё не сахар – горькая полынь на губах. Алёна, мать... Баба с яйцами, так её за глаза называли. Характер – кипятик, плеснёт – ожог на всю жизнь. Помню, как страх пробирал до костей, когда слышала её шаги за дверью.

«Карина, ты опять не так сделала уборку!» – слова, словно плеть. «Твои руки ни к чему не годятся, ты никчёмная!» Сердце сжималось в комок, хотелось провалиться сквозь землю. И вот он, ремень. Этот зловеющий звук, разрезающий тишину, этот невыносимый жар на коже. Каждая секунда – вечность, каждая слезинка – капля отчаяния.

После – тишина. Давящая, обжигающая. Смотришь в окно, а там – мир, полный красок, смеха, тепла. А у тебя – лишь синяки и боль. И вопрос, который грызёт изнутри: «За что? Что я сделала не так?»

Но самое страшное – не боль физическая, а эта пустота внутри. Ощущение, что тебя нет, что ты – лишь тень, отражение чьей-то злобы. И мечтаешь лишь об одном: чтобы хоть раз

услышать доброе слово, увидеть ласковый взгляд. Мечтаешь о материнской любви, которой так никогда и не знала.

Зачем я тебя рожала, ты никчёмный ребёнок, у всех дочки красавицы умные, а ты позо-рище, орала Алёна. Я молча стояла и слушала гневные высказывания в свой адрес. Слова вре-зались в самое сердце, оставляя кровотокающие раны, которые, казалось, никогда не заживут. В горле стоял ком, душивший любую попытку оправдаться, возразить, объяснить, что я тоже стараюсь, что я тоже мечтаю, что я тоже хочу быть любимой.

Молчание стало моим щитом, моим убежищем. В нем я пыталась спрятать свою разби-тую душу, свои несбывшиеся надежды, свою глубокую тоску по материнской любви, которая, казалось, навсегда утрачена. Я просто стояла и слушала, позволяя словам ранить меня, зная, что ничего не могу изменить, что я навсегда останусь «никчёмным ребёнком» в её глазах.

Тень Алёны, нависала над каждым моим шагом. Любая мелочь, любая ошибка, даже невинная, обращалась в бурю гнева, в град ударов. Я жила в постоянном страхе, словно мышь, ожидающая прыжка кошки. Невозможно было предугадать, что вызовет её ярость, какое слово, какое действие обернется наказанием.

Помню, как пыталась ускользнуть, стать невидимкой, проскользнуть мимо, не привле-кая внимания. Но она словно чувствовала меня, выискивала взглядом, задевала специально, толкая плечом, будто случайно. В этих прикосновениях не было материнской нежности, лишь холод и презрение.

Каждый удар отзывался не только болью в теле, но и в душе. Я чувствовала себя сло-манной, никчемной, недостойной любви и ласки. Ночами, закутавшись в одеяло, я шептала молитвы, просила о пощаде, о том, чтобы этот кошмар закончился.

Ты опять взяла без разрешения конфету? Мать орала на всю квартиру. Казалось, что потолок вот-вот рухнет от ее гнева, словно это землетрясение, а я – маленький, беззащитный котенок в его эпицентре. Но в этот раз страшнее стал ремень.

Не звук ее голоса, пропитанный ядом разочарования, не дрожащие от злости руки, а именно этот кусок кожи, висящий на гвозде в коридоре. Он был символом моей вины, моей никчемности, моего непослушания. Каждый раз, когда мать снимала его, в моей маленькой душе обрывалась тоненькая ниточка надежды.

Конфета. Просто конфета. Сладкое искушение, которое стоило мне не только испорчен-ного обеда, но и, кажется, всей любви матери. Слезы обжигали щеки, а внутри все сжималось от боли и унижения. Я не понимала, почему маленькая слабость, желание хоть немного пора-довать себя, вызывает такую ярость.

Мир вокруг казался враждебным и несправедливым. Хотелось спрятаться, исчезнуть, стать невидимой, чтобы избежать неминуемого наказания. Хотелось, чтобы мать хоть раз обняла, просто обняла и сказала, что любит, даже если я ошиблась. Но вместо этого в воздухе висело лишь предчувствие боли и горький привкус обиды. Ремень. Последний день в моей жизни. По крайней мере, так казалось тогда.

3

Тишина наступала очень редко, я была в постоянном напряжении от настроения матери. Это было как ходьба по минному полю – никогда не знаешь, где взорвется следующая обида или вспышка гнева. Маленькое сердечко билось в тревоге, уши ловили каждый звук, каждую интонацию. Детство, казалось, украдено этим вечным ожиданием бури.

А по ночам... по ночам начиналась другая жизнь. В темноте, под укрытием одеяла, рож-дались мечты. Я обнимала подушку, холодную и молчаливую, и представляла, что рядом моя другая мамочка. Мягкая, теплая, пахнущая ванилью и любовью. Та, которая шепчет утешения, а не проклятья. Та, которая гладит по голове, а не отталкивает.

В моих фантазиях она всегда улыбалась. Ее глаза лучились нежностью, а руки крепко держали мои, будто оберегая от всего плохого. Мы вместе пекли пироги, читали сказки, гуляли под дождем, смеясь беззаботно. В этих коротких мгновениях выдуманного счастья я находила утешение и надежду.

Но с рассветом иллюзия рассеивалась, оставляя лишь горький привкус реальности. Снова – напряжение, страх и тихая молитва о том, чтобы хотя бы сегодня мать была в хорошем настроении.

Бумага пожелтела от времени, исписанная детским почерком. "Дорогая Вселенная, пожалуйста, подари мне новую маму. Эта... эта не любит меня". Сердце болезненно сжалось, перечитывая строки. Я помнила каждое слово, каждую слезу, вложенную в эти наивные мольбы.

Алёна... Её смех звенел в ушах, ядовитый и безжалостный. "Кому нужна такая обуза, как ты? Ты никчёмная девочка". Слова, словно осколки стекла, вонзались в душу, оставляя кровотокающие раны.

Тогда, в отчаянной попытке обрести любовь, я обращалась к звездам, к ветру, к самой Вселенной. Искала материнскую ласку в шепоте деревьев, в теплых лучах солнца, в каждой улыбке прохожего. Но находила лишь пустоту, лишь усиление боли.

Я прятала свои слезы в подушку, пока Алёна злорадно наблюдала. Ее глаза, холодные и пустые, не отражали ни капли сочувствия. Я была обузой, ненужным довеском, ошибкой.

Но даже тогда, среди океана отчаяния, я не переставала верить. Верить, что однажды... однажды я стану нужной. Что где-то во Вселенной есть мама, которая ждет меня, которая полюбит меня такой, какая я есть. И я продолжала писать письма, надеясь, что хотя бы одно из них долетит до адресата. Надеюсь на чудо.

4

Каждый день Алёна придумывала мне испытания и наказания. Одно из страшных было пробыть в огороде без еды и воды целый день, без возможности укрыться, приговаривая: "Пока всё не сделаешь, из огорода не вылезешь". И я пахала. Земля трескалась под палящим солнцем, как и мои губы от жажды. Каждая сорванная травинка, каждая выкопанная картофелина отзывалась болью в натруженных руках. Но физическая усталость была ничто по сравнению с той тоской, что грызла душу.

Алёнин взгляд, холодный и безучастный, преследовал меня даже сквозь зной. Я видела в нем не просто злость, а какое-то отчаяние, которое она вымещала на мне. Была ли я виновата в этом отчаянии? Может, если бы я была лучше, сильнее, достойнее, она бы не обращалась со мной так? Эти мысли сверлили мозг, пока я ползала по грядкам, вырывая сорняки.

Огород стал моей тюрьмой, землей, пропитанной потом и слезами. Я была её рабом, но рабом не только физически. Алёна забрала у меня волю, веру в себя, надежду на лучшее. Я стала лишь тенью, послушно выполняющей её приказы, боясь поднять глаза, боясь проявить хоть какую-то эмоцию. В этом пекле, в этом унижении я угасала день за днем. И единственной моей молитвой было: "Когда же это кончится?"

Мать била меня, если находила хоть одну травинку на грядке. Это не было воспитанием, это был ритуал. Каждая прополка превращалась в кровавую баню, где я, безвинный агнец, трепетала под ее стальным взглядом. Земля, пахнувшая потом и червями, превращалась в арену, а мать – в гладиатора, алчущего крови сорняков и моей плоти.

«Трава – это грех!», – гремело у нее в голосе, словно проклятье. И я ползала по этим проклятым грядкам, словно червь, выискивая злосчастные ростки. Каждый корешок, казалось, тянулся ко мне с укором, каждое лезвие травинки – с угрозой.

Однажды, в отчаянии, я попыталась укрыться. Зарылась в помидорную ботву, словно страус в песок. Но ее зоркий глаз, словно око Саурана, нашел меня. Удар пришелся на спину, обжигая, словно клеймо. «Будешь знать, как прятаться, ленивая тварь!».

С тех пор я возненавидела все зеленое. Луга казались мне рассадниками зла, деревья – палачами, а солнечный свет – предателем. Я мечтала, чтобы весь мир превратился в выжженную пустыню, где нет места ни траве, ни материнскому гневу. "Каждый видит мир в меру своей испорченности", – шептала я, глядя на закат, обгагривший горизонт кровью. И в этой крови я видела свое отражение.

5

Самое страшное в гневе матери было, когда она начинала меня душить. Садилась на меня, маленькую девочку, и мир вокруг сжимался до размеров её разъярённого лица. Не было криков, ругани – только этот давящий вес и неумолимое перекрытие кислорода. Я смотрела в её глаза, ища там хоть искру материнского тепла, но видела лишь бездну, поглощающую меня без остатка.

Маленькое тело трепетало под её тяжестью, а в голове – отчаянный, беззвучный крик. "Мама, не надо!" Но слова застревали в горле, не находя выхода. Руки беспомощно царапали её платье, пытаюсь оттолкнуть, вдохнуть хоть немного воздуха.

В такие моменты время останавливалось. Казалось, проходит вечность, пока в глазах не начинали плясать чёрные мушки, а сознание – медленно угасать. Тогда появлялось странное, отстранённое спокойствие. Словно я уплывала далеко-далеко, где не было ни боли, ни страха, ни этой всепоглощающей материнской ярости.

И каждый раз, когда она отпускала, я жадно глотала воздух, как умирающий от жажды путник в пустыне. Но не было облегчения. Только липкий страх, который поселялся глубоко внутри, отравляя каждый прожитый день. Зная, что однажды, когда я снова "провинюсь", она вернётся. И снова станет душить. Садиться на меня, маленькую девочку, лишая воздуха, надежды и веры в материнскую любовь.

После таких "воспитательных мер" я долго не могла прийти в себя. Лежала, свернувшись калачиком, в своей кровати, боясь пошевелиться. Тишина в доме давила, казалась зловещей. Я чувствовала себя сломанной куклой, выброшенной в угол за ненадобностью. Сердце стучало как раненая птица, пытаюсь вырваться из груди.

6

Дверь квартиры – черная пасть, за которой скрывается мой личный ад. Каждый день – хождение по тонкому льду, каждый вздох – молитва о пощаде. Но пощады нет. Есть только она.

Соседи... За толстыми стенами их квартир, наверное, тепло и уютно. Слышат ли они мои крики? Чувствуют ли дрожь, сотрясающую дом? Нет. Их уши забиты ватой безразличия. Они предпочитают не знать, не видеть, не вмешиваться. "Это не наше дело", – шепчут они, прячась за своими занавесками.

В школе – фальшивое подобие нормальной жизни. Учителя, занятые своими отчётами и планами, не замечают синяки, спрятанные под кофтой, потухший взгляд, дрожащие руки. Я для них – просто ученица, серая мышка, не заслуживающая внимания.

Мать... Слово, от которого веет леденящим ужасом. Она – мой палач, мучитель, садист. В ее глазах – только ненависть, в руках – только боль. За что? За что она так со мной? Не знаю. И никогда не узнаю.

Я живу в постоянном страхе, в ожидании очередного удара. Мое тело – сплошной синяк, моя душа – изранена и кровоточит. Я молю о помощи, но мой голос тонет в тишине безразличия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.